

КУПЕЦ-ПАРОХОДЧИК

Ф. П. ХИТРОВСКИЙ

В своей повести «Фома Гордеев», в лице главных героев этой повести — Фомы Игнатьевича Гордеева, его отца Игната Гордеева и Якова Маякина, — великий пролетарский писатель М. Горький дал непревзойденные образы волжского, в частности, нижегородского купечества. Бесспорно, что М. Горький располагал богатейшим материалом из жизни и быта нижегородского купечества. Выведенные им типичные черты отдельных представителей купечества так ярки, что перед глазами читателя встают прототипы героев повести.

Нах, например, памятен живший в 80-х годах в Костроме и часто бывавший наездами в Н.-Новгороде волжский судопромышленник Гордей Иванович Чернов. Нам кажется, что по некоторому созвучию имен и обилию скандалов образ Фомы Гордеева тизмизирует купца-пароходчика Чернова. И хотя некоторые бывшие тузы-купцы нижегородцы в пьяном раже похвалялись, что М. Горький писал Фому Гордеева именно с них, мы, не опровергая их, считаем, что Гордей Чернов был подходящим «типажем» для писателя.

По наружному виду это был человек богатого роста и сложения, с крупными чертами лица, обрамленного темной бородкой.

Типичный волжский купец обладал вместе с озорством и дурью, большой коммерческой сметкой, способствовавшей широкому размаху его купеческой деятельности. Он первым резко наменял старинные купеческие торговые приемы и порядки, рискуя переоборудовать свое судходное предприятие — «замарать» свой судовой флот, приспособив его под перевозку нефти в баржах надливом.

Нажив на этом капитал, Чернов решил соорудить такую баржу, чтобы в ней можно было везти нефть сквозным путем, без перегрузки, из Баку в Нижний.

Городецкий строитель Тарас Зайков выстроил ему баржу грузоподъемностью в миллион пудов. Баржа была названа «Морячок».

Судходное начальство зашумялось. — Не пропустим баржу в море. Опасно. — Не пропустите? Без вашего пропуска обойдемся.

Ночью, Гордей забуксировал «Морячку» и увел ее морем в Баку. Там баржу арестовали и грузить ее не дозволили, а для охраны «Морячки» поставили военное судно. Гордей вынужден был уступить.

Появление фигуры купца Чернова с его характерной шепелявой речью, с громадным бриллиантом в кольце, которое он носил на большом пальце руки — везде и всегда сопровождалось богатой скандальной хроникой, новыми «черновскими» деяниями.

Живя в Костроме и бывая в Нижнем лишь наездами, он задумал построить здесь дом. Место выбрал самое лучшее: из Волжского откоса. План дома и стиль постройки удуманы были им самим. Архитектор — простой чертальник, лишь навел его мысли на мальку.

На крыше дома поставил пять башенглав. Среднюю, самую большую, приплюснул круглым привытием. Из центра это-

го прикрытия шла мачта, а на ее железном стержне была наварена резная по металлу картина Георгия-победоносца в борьбе со змием. На мачтах остальных четырех башен развевались флаги.

Гордея всегда окружали приближенные. Купец-хозяин не стеснялся с ними, давая им раннего года самые обычные привилегии.

Распоряжения его своим доверенным по плесу были кратки и определены.

Капитан-караванный телеграфирует, что за подвозку каравана в затою назначает 1500 руб.

Срочный приказ по телеграфу гласил: «хозяинских денег зря не бросай, а караван спасай», на что последовал ответ: «уговорился за возмездом».

Бесконечные недоразумения происходили у Чернова на телеграфе с барышнями-приемщицами телеграмм.

— Нельзя это передавать, — краснея до ушей, говорит телеграфная барышня, возвращая в окошечко заполненный телеграфный бланк.

— Как нельзя! — гремит Гордей, — почему нельзя? Как же по вашему можно? Неужто уж я, водоливу своему, приказать не могу...

Телеграфная барышня беспомощно гас водила руками, а купец излагал устало свой лексикон похабнейших слов, а затем ми он предлагает заменить написанные пока телеграфистка, расплакавшись, не захлопывала окошко.

... В 1885 г. в Сормовском вагоне часть каравана стала на зимовку в открытом месте. В этом опасном, ничем не защищенном «хвосте», оказались и черновские баржи.

Судходное начальство мер не приняло, подвозка весной не удалась, и караван Гордея под напором льда гибнет на глазах хозяина.

Когда ледяная масса начала калечить

баржи и о спасении судов нечего было и думать, стоявший на берегу тозяин опустился на колени и земно поклонился гибнущим судам.

— Прощай, батюшка-караванушка! Затем уехал в город. Начался запой с громкими скандалами, которые никто не мог остановить.

Один из таких запоев имел следующую лирически-божественную концовку.

В яркое весеннее утро к груженной хлебной барже на рыбнском рейде подезжает лодка-завозня. Чалка принята, лестница спущена. На палубу взбирается грузная фигура хозяина. В руках у него какой-то футляр.

На отвечая на почтительные поклоны водолива и матросов, опухший с красными воспаленными глазами, Гордей Чернов идет вдоль баржи и грузано опускается на толстый носовой кнехт. Медленно открывает футляр и вынимает скрипку...

Приложив инструмент к толстому животу, он левой рукой захватывает все струны на грифе и начинает водить по ним зажатым в правой руке смычком.

На дикие звуки из казенок и трюмов соседних баржей стал стекаться встревоженный народ. А пьяный Гордей все играет. Играет и плачет. Обильные пьяные слезы текут по его щекам и выключенной бороде.

Около часа длится этот дикий концерт. Наконец, музыка смолкла. Чернов поднимается с кнехта и со всей силой ударяет по нему скрипкой. Инструмент разбит вдребезги, в руках музыканта гриф и смычок, которые тут же ломаются через колено, а остатки летят в Волгу вместе с футляром, сброшенном ударом ноги.

Попрежнему, не отвечая на поклоны, хозяин идет к трапу, спускается в лодку и отезжает на берег, где его ждет на извозчике доверенный.

К вечеру в квартире доверенного приезде. Хозяин только что вернулся из баки. В зале приготовлен стол, накрытый белым скатертью. Облачается духовенство. Дьячок, надув щеки, усиленно раздувает свечки. Торжественно и долго служит заказная всенощная. После нее — молебен специальному святому Вонифатию от спьянствовавшего недуга.

После Вонифатия — чай с медом и постным сахаром.

— День-то, знаешь, какой у нас, — укоризненно говорит Гордей доверенному, поставившему к чаю сахар-рафинад. Сердце-ведь, а рафинад на бычачьих костях готовят...

... 1892 год. Нижегородская биржа гулит, как встревоженный улей. На всех столах одна новость:

— Гордей Чернов бросил все дела и скрылся.

Событие это реализовано биржей по-коммерчески: по делам Гордея назначили конкурс.

По старому, конкурс, — коммерческая смерть.

Завертелась адвокатская конкурсная машина. Началась спешная ликвидация брошенного имущества. Но как ни старались кураторы погубить дело спешными, не-коммерческими продажами, как ни тащили в свои бездонные карманы черновские капиталы, дело оказалось настолько сильным, что после распродажи за бесенок судов и недвижимости, конкурс закончился небывалыми результатами: остатком свободных денег в крупной, по тогдашнему времени, сумме до двухсот тысяч рублей. Черновское дело на Волге кончилось. Гордеев след отыскался.

На далеком Афоне, в крутой отвесной горе над морем, выгосла в камнях новая келья. В ней волжский купец-самодур за маливал свои грехи...